

Тихомиров П. В. [Рец. на:] Минто В. Дедуктивная и индуктивная логика / Пер. с англ. С. А. Котляревского, под ред. В. Н. Ивановского. М., 1896 г. // Богословский вестник 1895. Т. 4. № 12. С. 409–421 (2-я пагин.).

**„Дедуктивная и индуктивная логика В. Минто“.
Переводъ съ англійскаго С. А. Котляревскаго
подъ редакціей В. Н. Ивановскаго. Москва.
1896 г. XXI+539 стр. Ц. 2 р.**

Русскій переводъ Логики покойнаго профессора Эбердинскаго университета Вильяма Минто составляетъ первый выпускъ, издаваемой подъ редакціей Московскихъ профессоровъ „Библиотеки для самообразованія“. Какъ видно изъ предисловія, она рассчитана на лицъ, способныхъ, по своей подготовкѣ, прослушать курсъ высшаго учебнаго заведенія, но почему-либо лишенныхъ возможности сдѣлать это, или—пожелавшихъ, по окончаніи высшей школы, освѣжить забытыя знанія, пополнить пробѣлы и т. п. (стр. VII). Этимъ опредѣляются тѣ требованія, какія рецензентъ и читатель въ правѣ предъявлять къ данной книгѣ.

Задача всякаго учебнаго руководства, рассчитаннаго на уровень развитія студентовъ высшихъ школъ, состоитъ въ томъ, чтобы по возможности полно познакомить читателя съ современнымъ состояніемъ извѣстной науки, — указать всѣ важнѣйшія ея проблемы и способы ихъ рѣшенія, — ввести его въ духъ употребляемыхъ наукой методовъ и, наконецъ, сдѣлавъ ясною связь этого современнаго состоянія со всѣмъ историческимъ прошлымъ науки, намѣтить открывающіеся для нея горизонты въ будущемъ. Въ какой мѣрѣ выполнена эта задача книгою Минто?

Самъ авторъ особенности свои въ изложеніи логики полагаетъ въ томъ, что онъ, во-первыхъ, ставитъ ея изученіе на *историческую почву* и, во-вторыхъ, подчеркиваетъ ея значеніе, какъ—*практической дисциплины* (стр. XIII). Первая изъ этихъ особенностей, поскольку она дѣйстви-

тельно достигается, составляетъ несомнѣнное достоинство книги: задачи и составъ науки, ея методъ и т. п. едва-ли могутъ быть инымъ путемъ опредѣлены съ достаточною ясностью. Что-же касается второй особенности, то мы уже а priori можемъ сказать, что она дѣлаетъ книгу Минто до нѣкоторой степени *односторонней*,—недостатокъ для учебника довольно существенный. Взглядъ на логику, какъ на практическую науку, является господствующимъ у англійскихъ писателей,—Милля, Бена, Дживонса и др., и автору, какъ ученику Бена (стр. XIV), было, конечно, довольно естественно подчиниться этой традиціи. Но что такой взглядъ не вполне отражаетъ общій характеръ современной научной разработки логики, съ этимъ,—мы увѣрены,—согласится всякій знакомый съ литературой предмета: на примѣръ, въ нѣмецкой логической литературѣ преобладаетъ стремленіе выдвинуть на первый планъ чисто теоретическій интересъ данной науки. Можно, конечно, не соглашаться съ этой постановкой и оспаривать ея законность, но считаться съ ней, какъ съ фактомъ, совершенно необходимо,—особенно въ учебникѣ, назначенномъ не для элементарныхъ школъ (гдѣ еще было-бы умѣстно оставить только безспорное), а для людей, способныхъ имѣть самостоятельное сужденіе и нуждающихся въ томъ, чтобы ихъ поставили *in medias res* всѣхъ не только безспорныхъ, но и спорныхъ вопросовъ науки. Между тѣмъ авторъ отдѣляется отъ этого обязательства юмористическимъ замѣчаніемъ, что „ко многому въ позднѣйшемъ развитіи логики вполне приложима похвальба одного кэмбриджскаго математика, что лучше всего въ его новой теоремѣ то, что она никоимъ образомъ и никогда не можетъ никому ни въ чемъ пригодиться“ (стр. 2). И такихъ замѣчаній по адресу якобы совершенно ненужнаго теретизирования у него не мало въ самомъ изложеніи курса. Онъ, на примѣръ, отказывается—„входить въ изложеніе всѣхъ тѣхъ сложныхъ и громоздкихъ толкованій, которыя даются для законовъ мышленія въ логическихъ трактатахъ послѣдняго столѣтія“ (стр. 41) и т. д.

Стремленіе поставить изученіе логики на историческую почву, какъ сказано выше, составляетъ несомнѣнное достоинство книги Минто. Но, къ сожалѣнію, эта историческая часть книги оставляетъ многого желать со стороны

своей полноты. Въ большинствѣ случаевъ авторъ ограничивается ссылками лишь на Аристотеля да на англійскихъ логиковъ и—иногда на схоластиковъ. Пренебреженіе нѣмецкой логической литературой всюду рѣзко бросается въ глаза. И нельзя сказать, чтобы это пренебреженіе не отразилось вредно на основательности нѣкоторыхъ трактатовъ. Авторъ, напримѣръ, въ цѣлыхъ трехъ главахъ (ч. I, гл. II—IV, стр. 131—169) разсматриваетъ вопросы—о пяти родахъ сказуемаго (предикабилій), категоріяхъ Аристотеля и универсалияхъ. Почему-бы, спрашивается, на ряду съ утратившимъ теперь значеніе Аристотелевскимъ ученіемъ о категоріяхъ не обозрѣть ученія объ этомъ предметѣ новѣйшихъ германскихъ философовъ? Это было-бы не только интересно, но и полезно. А въ вопросѣ объ отношеніи общихъ именъ къ дѣйствительности игнорированіе нѣмецкой литературы прямо порождаетъ поверхностность и сбивчивость въ собственныхъ сужденіяхъ автора.—Въ трактатѣ о законахъ мышленія (стр. 37—50) ничего нѣтъ о т. н. законѣ достаточнаго основанія. Какъ-бы кто къ этому закону ни относился, во всякомъ случаѣ, при постановкѣ изученія логики „на *историческую* почву“ говорить о немъ необходимо: право на вниманіе даютъ ему уже одни споры о его значеніи въ логической литературѣ континента ¹⁾. Совершеннымъ игнорированіемъ этого закона Минто оказываетъ явную несправедливость не къ одной континентальной литературѣ, но отчасти и къ своей отечественной. Подобныхъ примѣровъ не мало можно указать и еще.

Обратимся теперь къ самому содержанію книги Минто. Открывается она введеніемъ, въ которомъ опредѣляются—происхожденіе, задачи и аксіомы логики (стр. 1—50). Правильнаго опредѣленія задачъ логики авторъ думаетъ вѣрнѣе всего достигнуть, разъяснивъ взглядъ на этотъ предметъ отца логики Аристотеля. „Часто, говоритъ онъ, ставился вопросъ: съ чего надо начинать въ логикѣ? Особенно сильно стало чувствоваться это затрудненіе въ текущемъ столѣтіи—вслѣдствіе того, что, при общемъ оживле-

¹⁾ Въ англійскихъ логикахъ этотъ законъ обыкновенно пропускается. Исключеніе составляютъ только логическія изслѣдованія Вильяма Гамильтона.

ни логическихъ изслѣдованій, лица, занимавшіяся ими, стояли на совершенно различныхъ точкахъ зрѣнія.—Съ чего начиналъ основатель логики? Отъ чего исходилъ Аристотель? Объяснивъ это, мы, кажется, всего легче рѣшимъ этотъ вопросъ, такъ-какъ система, созданная Аристотелемъ, и до сихъ поръ еще остается главнымъ стволомъ дерева логики, хотя она и дала отъ своего корня массу побѣговъ и оказалась обвитой множествомъ чужеродныхъ растений“ (стр. 1). Показавъ затѣмъ связь Аристотелевой логики съ софистикой и съ извѣстной страстью древнихъ грековъ къ спорамъ (стр. 4—7), авторъ дѣлаетъ выводъ, что „логика Аристотеля, по ея первоначальному назначенію, была такимъ-же практическимъ руководствомъ, какъ трактаты о мореплаваніи или руководства къ игрѣ въ вистъ“ (стр. 4) и что „его великое открытіе заключалось въ указаніи того, какія формы, или типы, утвержденій мы должны стараться получить и какой обработкѣ слѣдуетъ подвергать полученные утвержденія“ (стр. 8). Логика Аристотеля была чисто формальной, потому что „она болѣе интересовалась доказательствомъ взаимныхъ отношеній предложеній (въ силлогизмѣ), чѣмъ истинностью каждаго изъ нихъ въ отдѣльности“ (стр. 16). Такое-же отношеніе къ задачамъ „логики силлогизма и послѣдовательности“ (дедуктивная логика) усваиваетъ себѣ и авторъ.

Относительно *раздѣленія логики* авторъ говоритъ: „Согласно обычаю, я послѣдую общепринятому теперь (?) дѣленію логики на дедуктивную и индуктивную. Эти названія во многихъ отношеніяхъ сбивчивы, но они упрочены силой обычая, и тщетно было-бы пытаться его уничтожить“ (стр. 17).

Согласно съ своимъ стремленіемъ подчеркнуть практическое значеніе логики, авторъ, вслѣдъ за этимъ опредѣленіемъ ея задачи и состава, рассматриваетъ ее, „какъ средство для предохраненія отъ ошибокъ или заблужденій“ (стр. 20—36). Часто говорятъ, что цѣль логики есть „помощь при отысканіи истины“. Авторъ находитъ такое выраженіе „сбивчивымъ“, потому что оно „приводитъ многихъ къ ошибочному предположенію, будто логика имѣетъ притязаніе быть искусствомъ открытія истины, т. е. будто она ставитъ своей задачей указать правила, при простомъ со-

блюдениі которыхъ изслѣдователи могутъ безошибочно доходить до новыхъ истинъ. Но это неприложимо даже къ логикѣ индукціи, а еще меньше къ старой логикѣ. Только косвенно,—удерживая людей отъ неправильныхъ выводовъ и разубѣждая ихъ, когда они думаютъ, что достигли своей цѣли,—можетъ логика направлять людей по пути истины. Истина часто скрыта въ лабиринтѣ, и логическія правила помогаютъ отыскивать ее, только предостерегая человѣка, когда онъ попадаетъ на ложный слѣдъ, и тѣмъ указывая ему, что онъ долженъ искать другого—истиннаго. Изслѣдователя влечетъ впередъ его собственное стремленіе; логика-же не столько указываетъ ему правильный путь, сколько предостерегаетъ отъ неправильнаго. Излагая условія, при соблюденіи которыхъ истолкованіе становится правильнымъ, аргументація—сильной, очевидность—убѣдительною и объясненіе фактовъ—достаточнымъ, логика показываетъ изслѣдователю, какъ провѣрить и очистить отъ ошибокъ заключенія, но не учить его, какъ къ этимъ заключеніямъ прийти“ (стр. 21). Въ виду этого, авторъ находитъ, что „перечень типическихъ формъ неправильнаго мышленія, иллюстрированный примѣрами, долженъ *pari passu* сопровождать изложеніе формъ мысленія правильнаго“ (стр. 22). И мы должны сказать, что съ этой стороны логика Минто не оставляетъ желать ничего лучшаго. Поводы къ заблужденіямъ и виды послѣднихъ указываются и анализируются такъ полно и иллюстрируются такими интересными примѣрами,—примѣрами, не выдуманнами, а по большей части взятыми изъ жизни и литературы,—что едвали какой другой учебникъ логики можетъ въ этомъ отношеніи конкурировать съ разсматриваемымъ.

„Распространено мнѣніе,—говоритъ авторъ въ томъ-же отдѣлѣ введенія,—что логика намъ нужна для того, чтобы защитить насъ отъ софистическихъ ухищреній, отъ недобросовѣстной игры словами и правдоподобіемъ. Но на самомъ дѣлѣ нашъ „внутренній софистъ“—врагъ гораздо болѣе опасный, такъ-какъ ему благопріятствуютъ наши естественныя, природныя склонности къ заблужденіямъ. Изъ каждыхъ нашихъ десяти заблужденій, вѣроятно, лишь въ одномъ случаѣмы бываемъ жертвами умышленнаго обмана со стороны настоящихъ „софистовъ“. Въ остальныхъ-же девяти мы попадаемъ подъ власть

нашихъ собственныхъ неразумныхъ влеченій и предубѣжденій: обыкновенно люди прежде всего обманываютъ самихъ себя, а потомъ уже другихъ людей“ (стр. 23). Отсюда для автора естественно возникаетъ задача — указать главные роды нашихъ естественныхъ заблужденій или иллюзій и ихъ причины. Такихъ разрядовъ онъ насчитываетъ четыре. а) *Заблужденія отъ нетерпѣнія*. Какъ существо, созданное для дѣятельности и тяготящееся всякаго рода препятствіями, человѣкъ и въ познавательной области не легко мирится съ состояніями сомнѣнія и неувѣренности, какъ препятствіями къ продолженію умственной работы. Поэтому и мы часто бываемъ склонны „наскоро составлять себѣ опредѣленные взгляды безъ достаточнаго знакомства съ дѣломъ и вообще считать проволочкой всякое предварительное изслѣдованіе дѣла, если только такое изслѣдованіе не становится нашей специальной задачей. Этотъ основной фактъ нашей природы, это естественное, врожденное, нетерпѣніе объясняетъ значительное большинство ложныхъ вѣрованій, которыя мы создаемъ и которыхъ упорно держимся. Мы должны быть увѣрены въ чемъ-либо, мы не можемъ быть спокойны, пока не достигли увѣренности, и хватаемся за первое, что, какъ намъ кажется, устраняетъ сомнѣнія“ (стр. 26—28) ¹⁾. б) *Заблужденія, происходящія подъ вліяніемъ удовольствія, доставляемаго дѣятельностью*, — состоятъ въ переоцѣнкѣ результатовъ и выводовъ своихъ специальныхъ научныхъ занятій (стр. 31—32). в) *Заблужденія происходящія подъ вліяніемъ чувства*: этотъ источникъ заблужденій болѣе дру-

¹⁾ Эту человѣческую склонность авторъ иллюстрируетъ многими довольно удачно подобранными примѣрами. „Скажите любому англичанину, — приводитъ онъ изреченіе одного остряка, — что поднять вопросъ о томъ, населены—ли планеты, и онъ почувствуетъ себя обязаннымъ имѣть на этотъ счетъ свое собственное мнѣніе. Сила увѣренности, — замѣчаетъ онъ при этомъ, — не пропорціональна количеству затраченной на нее умственной работы; и, можетъ быть, общее правило таково, что чѣмъ менѣе увѣренность основана на разсужденіи, тѣмъ крѣпче за нее держатся“ (стр. 28). — „Продавецъ колоніальныхъ товаровъ имѣетъ вполне законченный взглядъ на иностранную политику; у молодой леди — своя полная теорія о тайствахъ; и ни тотъ ни другая нисколько не сомнѣваются въ вѣрности своихъ взглядовъ. Сельская поповна выскажетъ твердое убѣжденіе, что Парижъ никогда не можетъ быть взятъ, или что Бисмаркъ — негодай“ (стр. 29). — На этой склонности основываются и разнаго рода суевѣрія (стр. 30).

гихъ очевиденъ и издавна составлялъ любимую тему для моралистовъ (стр. 32—33) ¹⁾. d) *Заблужденія, происходящія подъ вліяніемъ привычки*. Примѣрами здѣсь могутъ служить: страхъ, который испытываютъ многіе люди, оставаясь въ темнотѣ; сила привязанности къ привычнымъ для насъ ученіямъ и способамъ дѣйствія и наша непобѣдимая антипатія къ тѣмъ, кто не держится этихъ ученій и поступаетъ иначе; всѣ Бэконовскія *idola fori*; склонность врача у всякаго больного открывать наиболѣе распространенную или модную въ данное время болѣзнь и т. п. (стр. 33—35).—При самомъ изложеніи логики авторъ въ послѣдствіи показываетъ, какъ каждая изъ этихъ диспозицій къ заблужденію вліяетъ на тотъ или иной совершенно правильный логическій приѣмъ, превращая его изъ способа открытія истины въ орудіе ошибки

Заканчивается введеніе трактатомъ „объ аксіомахъ діалектики и силлогизма“, т. е. о законахъ тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго (стр. 37—50). Толкованіе этихъ законовъ отличается у автора замѣчательной ясностью и наглядностью,—иллюстрируется множествомъ примѣровъ и историческихъ справокъ.

Таково содержаніе введенія. Недостатками этого введенія являются *неполнота* по части затрогиваемыхъ вопросовъ и нѣкоторая *догматичность* изложенія. Желательно было-бы здѣсь видѣть, на примѣръ, трактаты о методѣ и пособіяхъ логики, о мѣстѣ и значеніи ея въ ряду другихъ наукъ, объ отношеніи ея къ философіи (послѣднее особенно нужно въ виду того, что почти $\frac{2}{3}$ всѣхъ писателей по логикѣ, въ томъ числѣ и англійскихъ, обрабатываютъ ее не иначе, какъ въ связи съ гносеологіей, а иногда и метафизикой) и т. п. Затѣмъ не мѣшало-бы автору познакомить читателей съ спорами о предметѣ и задачахъ логики, о законахъ мышленія и проч. Раздѣленіе ло-

1) Этимъ вліяніемъ чувства на мысль авторъ объясняетъ тотъ фактъ, что „людямъ, интересы которыхъ приходятъ въ столкновеніе, такъ трудно бываетъ понимать чужіе аргументы и довѣрять честности своихъ противниковъ. Часто можно видѣть совѣщанія капиталистовъ съ рабочими, на которыхъ каждая изъ сторонъ совершенно не можетъ оцѣнить значенія доводовъ другой стороны и удивляется ея ослѣпленію, хотя обѣ одинаково состоятъ изъ лицъ, не способныхъ совершить сознательно безчестный поступокъ“ (стр. 33).

гики на дедуктивную и индуктивную устарѣло, нарушаетъ стройность и единство плана въ изложеніи науки и, вообще, не можетъ быть убѣдительно оправдано. Но всѣ эти недостатки вполне покрываются живостью и дѣловитостью изложенія, особенно цѣнными въ учебникѣ, простотою разсужденій, умѣньемъ автора прямо подойти къ вопросу и дать на него ясный и толковый отвѣтъ, а главное—обиліемъ интересныхъ примѣровъ.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію ученій развитыхъ въ каждой изъ двухъ частей книги Минто, мы остановимся на *планѣ*, какому слѣдуетъ авторъ. Дедуктивная логика состоитъ у него изъ трактатовъ—объ элементахъ предложеній (именахъ или терминахъ), объ истолкованіи предложеній и непосредственныхъ выводахъ, о взаимной зависимости предложеній и силлогизмѣ. Индуктивная разсуждаетъ объ основаніяхъ и методахъ установки причинной связи явленій. Съ перваго взгляда видно, что этимъ планомъ исключена изъ логики Минто цѣлая половина обычнаго въ курсахъ этой науки отдѣла—о т. н. „систематическихъ формахъ мышленія“: именно, нѣтъ трактатовъ *о доказательствѣ* и *о методѣ*. Важность и необходимость этихъ трактатовъ доказывать нѣтъ надобности. Въ индуктивной логикѣ, или „логикѣ наукъ“, какъ ее называетъ авторъ, ощущается недостатокъ *прикладного* отдѣла, который долженъ-бы содержать характеристику методовъ и приѣмовъ *отдѣльныхъ наукъ*. Этотъ отдѣлъ есть у Бэна, и очень жаль, что Минто не послѣдовалъ въ этомъ случаѣ примѣру своего учителя.

Доселѣ мы, большею частію, указывали тѣ недостатки книги Минто, какихъ желательно было-бы въ ней не видѣть въ силу ея назначенія, какъ учебника. Читатели видятъ отсюда, съ какихъ сторонъ эта книга *не удовлетворяетъ* тому идеалу учебника для высшихъ школъ, какой мы выставили въ началѣ своей рецензіи. Но относительно всѣхъ этихъ недостатковъ мы должны сказать, что они въ весьма большой степени обусловливаются пониманіемъ авторомъ своей задачи и тѣми историческими школьными традиціями, которыми опредѣлялся характеръ его работы. Значитъ, мы,—при всей законности своихъ требованій,—не нашли у автора, въ сущности, только того, чего онъ не хотѣлъ или не могъ дать. А потому и отвѣтственность за

названные недостатки должна, по нашему мнѣнію, главною своею тяжестью падать не на него, а на нашу „комиссію по организаціи домашняго чтенія“, не оговорившую въ предисловіи этихъ недочетовъ и не указавшую средствъ пополнить ихъ ¹⁾.

Теперь мы посмотримъ, насколько удовлетворительно выполнена работа Минто въ рамкахъ тѣхъ требованій и задачъ, какія онъ самъ себѣ поставилъ.

Здѣсь мы прежде всего позволимъ себѣ отмѣтить то общее впечатлѣніе, какое производитъ чтеніе этой книги. Впечатлѣніе это—чрезвычайно выгодно для автора. Всѣ привыкли считать одной изъ неизбѣжныхъ принадлежностей учебника логики нѣкоторую сухость и даже скуку. Но начавъ читать книгу Минто, мы съ самыхъ-же первыхъ страницъ были пріятно удивлены, не найдя въ ней ничего подобнаго: живость и свѣжесть изложенія, проникнутаго мѣстами глубокимъ и тонкимъ юморомъ или блестящаго остроуміемъ, а мѣстами возвышающагося до лиризма или поражающаго тонкой психологической наблюдательностью,—буквально заставляли забывать, что читаешь учебникъ по одной изъ самыхъ трезвыхъ и положительныхъ философскихъ наукъ. Давно знакомыя и даже прискучившія правила и формулы какъ будто оживали, и казалось, что читаешь какой-нибудь мастерски составленный художественный фельетонъ. Такое впечатлѣніе не покидало насъ до самаго конца книги и способствовало тому, что мы прочли ее,—при ея значительномъ объемѣ (539 страницъ)—всего въ три дня. Указанные выше недостатки книги мы замѣтили только уже при вторичномъ ея чтеніи, когда задумали написать о ней рецензію и когда, поэтому, постарались уже отрѣшиться отъ перваго и общаго впечатлѣнія, такъ подкупающаго въ ея пользу.

Дѣйствительно, рассматриваемая сама въ себѣ, книга Минто есть замѣчательный трудъ. Прежде всего, поднимаемые въ ней вопросы обсуждаются со всею полнотою,

¹⁾ А одѣлать это было-бы очень легко въ *приложеніи*. Вѣдь нашла-же комиссія возможнымъ дать въ этомъ приложеніи два очерка изъ логики Бана объ анализѣ предложеній и силлогистической аргументаціи (стр. 475 и сл. 489 и слѣд.).

какая только была возможна. Разсужденія автора обнаруживаютъ его глубокую вдумчивость, а приводимыя имъ примѣры и поясненія показываютъ въ немъ многосторонне образованнаго и обширно начитаннаго мыслителя. Право, политика, медицина, обыденная жизнь, литература, исторія, философія—все даетъ ему матеріалъ для иллюстраціи и обоснованія развиваемыхъ имъ положеній. Благодаря этому логическія правила крѣпко и отчетливо залегаютъ въ сознаніи читателя. Вотъ нѣсколько примѣровъ въ подтвержденіе сказаннаго. —Всѣ мы еще изъ средней школы знаемъ, что умозаключеніе „*post hoc ergo propter hoc*“—несостоятельно; и каждый изъ насъ не затруднится подтвердить это такими банальными примѣрами, какъ „день не есть причина ночи“. Но вотъ Минто поясняетъ значеніе простаго фактическаго преемства явленій такимъ не только выразительнымъ, но и художественнымъ примѣромъ, заимствованнымъ изъ трагедіи Шекспира „Генрихъ IV“ (ч. III, актъ 1, явл. 13):

„Глэндюэръ: Когда я родился, чело небесъ браздилось огнями горящихъ молній, и земля тряслася въ своей основѣ, будто жалкій трусь.

Готспоръ: Да вѣдь земля и безъ того содрогнулась-бы въ это время, если-бы ты и не родился вовсе, или если-бы окотилась въ этотъ моментъ кошка твоей матери“ (стр. 367).

Другой примѣръ на тотъ-же случай онъ беретъ изъ „Бесѣдъ о смѣшныхъ и неосторожныхъ умозаключеніяхъ“ Латимера: одинъ старикъ считалъ причиною засоренія пескомъ гавани въ Сэндвичѣ построенную поредь тѣмъ Тентерденскую колокольню (стр. 365). Затѣмъ,—напримѣръ, всѣ историки знаютъ и, конечно, внушаютъ своимъ ученикамъ, что разсказъ, долго хранившійся и передавшійся путемъ устнаго *преданія*, не заслуживаетъ большого довѣрія. Но едва-ли многимъ изъ нихъ приходила въ голову мысль о возможности иллюстрировать это положеніе на примѣрѣ простой игры, извѣстной у англичанъ подъ названіемъ „русской сплетни“ (*Russian scandal*), ¹⁾, что рекомендуетъ Минто. Главы объ

¹⁾ Сущность этой игры заключается въ слѣдующемъ: кто-нибудь изъ членовъ общества, А, пишетъ короткій разсказъ или исторію и читаетъ его В., В. повторяетъ на память С., С.—Д. и такъ далѣе. Когда этотъ разсказъ обойдетъ такимъ образомъ все общество, то послѣдній слушатель пишетъ свою версію, и она сравнивается съ оригиналомъ. При самомъ полномъ желаніи вести игру добросовѣстно, измѣненія вообще бываютъ очень значительныя (стр. 358—359).

исторической достоверности и о степени правдивости очевидцевъ изобилуютъ любопытнѣйшими иллюстраціями, изъ которыхъ мы видимъ, напримѣръ, что „періодъ времени, достаточный для созданія вполне законченной легенды нужно измѣрять иногда часами, а не годами“ (стр. 360), что „въ дѣйствительности мы видимъ гораздо меньше, чѣмъ обыкновенно полагаютъ“ (стр. 357 прим.) и т. п.—Далѣе, вѣроятно, всё изучавшіе логику помнятъ, какими ненатуральными обыкновенно кажутся всё примѣры на „*petitio principii*“ и „*ignoratio elenchi*“; Минто даетъ этому обстоятельству вполне толковое объясненіе. „Легче, говорить онъ, объяснить, въ чемъ состоятъ названныя заблужденія, чѣмъ наглядно иллюстрировать ихъ. Неправильность проскальзываетъ здѣсь, главнымъ образомъ, въ продолжительныхъ разсужденіяхъ. Ошибочное разсужденіе, которое, будучи выражено просто, въ немногихъ предложеніяхъ, не обмануло-бы даже и ребенка, можетъ обмануть половину свѣта, если его развить въ цѣломъ томѣ *in quarto*“ (стр. 285). Подобными примѣрами полна вся книга.

Въ отдѣльныхъ трактатахъ есть не мало подробностей, очень выгодно отличающихъ логику Минто отъ извѣстныхъ въ нашей учебной литературѣ книгъ по этому предмету. Такъ, въ главѣ о предложеніяхъ или сужденіяхъ введенъ отдѣлъ о „спеціальныхъ трудностяхъ“, соединенныхъ съ *словесною формулировкой предложеній*, напримѣръ, исключаящихся, временныхъ и модальныхъ (стр. 95—102). Польза этого отдѣла безспорна, между тѣмъ какъ въ учебникахъ его часто опускаютъ. Весь трактатъ объ *опредѣленіи* (стр. 103—138) обработанъ образцово и во многихъ отношеніяхъ оставляетъ позади себя логику Бэна, которому первому принадлежитъ честь выясненія важности этого отдѣла въ логикѣ и самой основательной его разработки. Глава о „*противоподразумѣваемости (counterimplication) предложеній*“ (стр. 195—208) представляетъ прямое нововведеніе въ логику, но нововведеніе очень полезное. Дѣло здѣсь вотъ въ чемъ. Въ обыкновенномъ языкѣ „всякое утвердительное сужденіе относительно чего-нибудь есть всегда почти скрытое отрицаніе относительно чего-нибудь другого.—Положимъ, напр., вашъ собесѣдникъ, говоря о дѣтяхъ, замѣчаетъ, что Джонъ—хорошій мальчикъ; есте-

ственно заключить отсюда, что въ умѣ говорящаго есть представленіе о другихъ дѣтяхъ, которыхъ нельзя причислить къ хорошимъ мальчикамъ. Такой выводъ сразу могъ-бы сдѣлать всякій, кто услыхалъ-бы такое мнѣніе, и напрасно высказавшій его станеть возражать, что онъ говорилъ исключительно объ одномъ Джонѣ. Или, положимъ, напри-мѣръ, есть два кандидата на должность школьнаго учителя, А. и В., и кто-нибудь подчеркиваетъ то обстоятельство, что А. — превосходный преподаватель... Сразу можно заклю-чить, что тотъ, кто хвалить А., не считаетъ В. такимъ превосходнымъ учителемъ, какъ А. Справедливость по-добнаго заключенія признають всѣ“ (стр. 195—196) Об-стоятельному выясненію закона и правилъ такого рода вы-водовъ и посвящена разсматриваемая глава. Въ изложеніи ученія о силлогизмѣ заслуживаетъ упоминанія указаніе на особый родъ энтимемы, который авторъ называетъ *энтимемой отвлеченно указаннаго принципа*: напри-мѣръ, одно умозаключеніе объявляютъ противнымъ „принципамъ поли-тической экономіи“, другое—„теоріи эволюціи“, третье—несовмѣстимымъ съ „наслѣдственностью“ или нарушающимъ „священный принципъ свободы договора“;—при этомъ пред-полагается, что слушатель знакомъ съ тѣми принципами, на которые дѣлають ссылки (стр. 258).

Можно, правда, въ изложеніи авторомъ различныхъ ло-гическихъ ученій находить и такія вещи, съ которыми трудно согласиться. Но ихъ очень немного. Такъ, напр., говоря о научной *номенклатурѣ*, онъ болѣе склоняется къ тому мнѣнію, что „при установленіи научныхъ терми-новъ лучше приспособлять старыя имена, чѣмъ изобрѣтать новыя“ (стр. 128), хотя и сознаетъ связанныя съ этимъ неудобства. А по нашему мнѣнію, старыя имена всегда контрабандно привнесутъ въ новыя понятія старый, отжив-шій смыслъ. Поэтому удобнѣе ужъ допускать неологизмы: пусть лучше страдаетъ языкъ, чѣмъ мысль. Ученію о *от-роятныхъ заключеніяхъ* (стр. 453—458) можно-бы поже-лать большей основательности. Знакомство съ нѣмецкой логической литературой здѣсь оказало-бы автору существен-ную услугу.

Каково-же, —спрашивается теперь, —должно быть наше общее сужденіе о книгѣ Минто? Мы видимъ, что *въ своемъ*

положительномъ содержаніи она составляетъ *весьма цѣнное приобретение* для нашей учебной литературы. Недостатки-же ея—такого рода, что создаютъ для нея пужду скорѣе въ *пополненіи*, чѣмъ въ *переработкѣ*. А это признакъ дѣйствительно хорошей и умной книги.

Достоинства разсматриваемой книги еще болѣе возвышаются даннымъ при ней *приложеніемъ*, которое содержитъ массу примѣровъ для упражненія учащихся въ классификаціяхъ,—опредѣленіяхъ, анализѣ предложеній и силлогизмовъ и т. п. (ст. 471—539). Примѣры эти не всѣ принадлежатъ Минто, а очень многіе взяты въ русской переводъ изъ *Джевонса, Бэна, Ибервега, Кинса, и Фаулера*, а также подобраны *В. Н. Ивановскимъ* и *А. С. Бѣлкинымъ*. Примѣры эти, въ большинствѣ случаевъ, отличаются серьезнымъ характеромъ и могутъ задать учащемуся хорошую умственную работу. Нужда въ „задачникѣ“ при изученіи логики давно уже сознается у насъ преподавателями этого предмета.

Въ заключеніе мы должны сказать, что переводъ книги сдѣланъ чистымъ и легкимъ литературнымъ языкомъ. Въ корректурномъ отношеніи она тоже вполне исправна, и назначенная ей цѣна (2 рубля) можетъ считаться даже скромной.

П. Тихомировъ.
